

ГЛАВА ПЯТЬДЕСЯТ ТРЕТЬЯ,

повествующая о том, как Танский монах, выпив воды, зачал и как затем ему удалось избавиться от дьявольского плода

Восемьсот добрых дел должен ты совершить
И три тысячи тайных заслуг накопить,
Злого недруга должен, как друга, любить,
Что желаешь себе — должен ближним творить, —
Лишь тогда ты исполнишь священную волю
Будды, в Западном небе живущего,
Лишь тогда ты познаешь блаженную долю
Человека, законы блюдущего.
Как ни билось чудовище, полное сил,
Защищаясь коварством огня и воды,
Зря пропали безумства его и труды:
Лао-цзюнь всемогущий его покорил
И, подобный орлу, в небеса воспарил;
За собой, хохоча, от звезды до звезды
Он вола упирающегося тащил.

Итак, мы остановились на том, что Танского монаха кто-то позвал. Оказалось, что это были духи: дух, почитаемый в этих краях, и дух — властитель горы Золотой шишак. Каждый из них держал в руках монашескую чашу для подаяний, сделанную из червонного золота.

— Святой отец! — кричали они. — Еду в этих чашах вымолил у добрых людей Великий Мудрец Сунь У-кун. Вы не послушались его чистосердечного совета, вот и попались в лапы злему чудовищу. Сколько хлопот вы доставили Великому Мудрецу?! Сколько горя и мучений он перенес! Но хорошо, что не напрасно: теперь он вас всех выручил из беды. Идите же сюда и закусите, а потом пойдете своей дорогой. Не отказывайтесь, так как этим вы обидите Сунь У-куна, который искренне и из почтения к вам собирал это подаяние!

Танский монах обернулся к Сунь У-куну и с чувством произнес:

— Я в неоплатном долгу перед тобой, ученик мой! Нет слов, чтобы выразить тебе мою благодарность. Знал бы я раньше про козни чудовища, не попал бы в такую беду!

— Скажу тебе, ничего не скрывая, наставник мой, — с жаром отвечал Сунь У-кун. — Лишь потому что ты не поверил мне, ты угодил в расставленную для тебя ловушку. Жаль, что столько страданий пришлось понапрасну пережить из-за этого! Очень жаль!

Тут в разговор вмешался Чжу Ба-цзе:

— О какой это ловушке вы говорите?

Сунь У-кун сразу же накинулся на него:

— Во всем виноват ты, негодяй, косноязычная тварь этакая! Из-за тебя нашему наставнику пришлось перетерпеть столько бед! А мне сколько было хлопот. Какую кутерьму я устроил! Поднял на ноги всех небесных полководцев, выпросил небесное войско, силы водной и огненной стихии, даже волшебные крупы для пилюль бессмертия Будды. Но злое чудовище, пустив в ход свой волшебный обруч, уволокло к себе в пещеру и воинов и оружие. Будда тайно повелел своим праведникам архатам раскрыть мне тайну происхождения этого злого дьявола. После этого я обратился к Лао-цзюню, который укротил чудовище, оказавшееся черным волком.

Танский монах, внимательно слушавший Сунь У-куна, растроганно произнес:

— О просвещенный ученик мой! Все случившееся да послужит мне хорошим уроком. Обещаю впредь во всем слушаться тебя!

Вслед за тем все четверо разделили еду между собой и принялись есть. Еда была очень горяча и от нее валил густой пар.

Сунь У-кун удивился:

— Почему еда не остыла, ведь она так долго стояла на холоде?

Дух местности при этих словах опустил на колени и признался:

— Это я узнал, что ты, Великий Мудрец, завершил свой подвиг, и разогрел пищу.

Путники быстро поели, убрали чашки и распрощались с духом местности и горным духом.

Танский монах сам взобрался на белого коня, уселся в седло и перевалил через высокую гору.

Вот уж поистине, избавившись от волнений и забот, они спали и ели под открытым небом, всеми силами стремясь на Запад. Так шли они довольно долго и однажды почувствовали, что в воздухе запахло весной.

Как сладок щебет ласточки
И крик веселой иволги!
Жилье свое у притолки
Из глины лепит ласточка,
Держась за ветку лапочкой
Гнездо свивает иволга...
Земля ростками нежными
Как бы парчою убрана,
И горы изумрудные
Стоят стогами свежими;
Сулят плоды несметные
В ветвях тугие завязи,
Чернеясь, словно записи,
На свитке неба бледного;
И облако беспечное
Руном своим касается
Вершины дуба вечного,
В листву его вплетается...
Под дымкой серебристою,
Таясь от солнца знойного,
Лежат луга цветистые
И пастбища привольные,
А кипарисы стройные
Над ними гордо высятся...

Путники двигались все дальше и дальше:

Но вдруг перебежала им
Дорогу речка малая,

Как свет небесный чистая,

Как ящерица быстрая.

Танский монах придержал коня и, осмотревшись вокруг, заметил на другом берегу несколько лачуг, выглядывавших из густой зелени ив.

Указывая на лачуги, Сунь У-кун сказал:

— Там, наверно, живет перевозчик.

— Пожалуй, ты прав, — отвечал Танский монах, — но нигде не видно лодки, вот почему я и не осмелился высказать такое предположение.

Чжу Ба-цзе снял с себя ношу и, обернувшись лицом к далекому селению, закричал изо всех сил:

— Эй, перевозчик! Подай сюда лодку!

После того как он прокричал несколько раз подряд, из густых ив, скрипя, выплыло судно. Оно быстро приближалось к берегу, и наши путники рассмотрели его:

Быстро волны рассекает шест короткий,

Весла гладкие скользят по гребням пенным —

Хороша раскрашенная лодка,

Яркая, что камень драгоценный!

Рулевой на ней, как видно, зоркий,

В трудном ремесле своем умелый,

Сидя в расписной своей каморке,

Лодку он ведет рукою смелой.

Пусть не ждут ее пути морские,

Пусть ее дорога меньше, уже,

Кораблей больших она не хуже,

И, как им, ей не страшны стихии.

С грозными, кипящими волнами,

С шалостями северного ветра
Справиться она всегда сумеет
Легкою оснасткою своею,
Прочными сосновыми шестами,
Веслами из розового кедра.
Но сейчас тот путь, что ей положен,
Рулевому не стяжает славы!
Этот путь нетруден и несложен,
Он лежит у древней переправы,
И любого, кто о том попросит, Лодка на тот берег перевозит.

Лодка вскоре пристала к берегу, и лодочник крикнул:

— Кому надо переправляться? Пожалуйста сюда!

Танский монах подъехал на коне поближе, чтобы посмотреть, каков из себя лодочник.

Мягким бархатным платком повязан,
Поясом лоскутным подпоясан,
В туфли шелка черного обут;
Ватные штаны на нем в заплатах,
Латанные полы у халата,
Видно по рукам, что небогат он,
Жесткие ладони знают труд;
Сам он смуглолицый, седобровый,
Тусклые глаза глядят сурово,
Рот поджатый, узкий, словно щель,
Но зато, когда промолвит слово, —
Голос зазвучит, как птичья трель
Или серебристая свирель.

— Ты перевозишь? — спросил Сунь У-кун, подойдя к лодке.

— Да, — отвечала женщина.

— А где же сам хозяин? Почему он послал тебя?

Женщина усмехнулась, но ничего не ответила. Сильными руками она перекинула сходни на берег. Первым на лодку взобрался Ша-сэн, который внес на палубу всю поклажу, за ним поднялся Танский монах, поддерживаемый под руку Сунь У-куном. Великий Мудрец, вспрыгнув на палубу, тотчас же прошелся по ней. Последним поднялся Чжу Ба-цзе, который вел за собой белого коня. Он убрал сходни, а женщина оттолкнула лодку шестом и взялась за весла. Вскоре они пристали к другому берегу.

Путники сошли с лодки. Танский монах велел Ша-сэну развязать узел, достать металлических и бумажных денег и отдать перевозчице. Женщина взяла деньги, даже не поинтересовавшись, сколько ей заплатили, и привязала лодку к колу, вбитому на берегу. Затем, посмеиваясь, она направилась к селению. Пленный удивительной прозрачностью и чистотой речной воды, Танский монах вдруг почувствовал жажду и крикнул:

— Чжу Ба-цзе, возьми чашку для подаяний и зачерпни воды. Я хочу пить.

— Мне тоже вдруг захотелось пить, — отвечал Дурень.

Он достал чашку и, зачерпнув до краев, протянул своему наставнику. Тот выпил почти половину и вернул чашку Чжу Ба-цзе. Дурень одним духом осушил ее до дна, а затем помог наставнику взобраться на коня.

Путники выбрались на дорогу, ведущую на Запад, и двинулись дальше. Не прошло и половины срока отбывания караульной стражи, как Танский монах вдруг почувствовал в животе сильные рези и громко застонал:

— Ох! живот болит!

Чжу Ба-цзе тоже стал охать:

— И у меня болит.

— Это у вас от холодной воды, — высказал предположение Ша-сэн. Не успел он договорить, как наставник начал кричать еще громче:

— Ой, как схватило! — вопил он.

Чжу Ба-цзе тоже страдал от нестерпимой боли. Между тем животы их на глазах раздувались, и, когда они мяли их, им казалось, что внутри перекачивается какой-то комок.

Танскому монаху стало совсем худо, но как раз в этот момент неподалеку от дороги они заметили небольшое селение и дерево, к вершине которого были привязаны два снопа соломы. Это означало, что в селении есть кабачок.

Тут Сунь У-кун обратился к Танскому монаху:

— Наставник!— сказал он, — нам повезло! Там есть кабачок. Сейчас мы добежим до него и попросим горячего отвара для вас, да заодно разузнаем, есть ли здесь лекарь, и возьмем у него лекарство.

Танский монах приободрился, подстегнул коня и быстро доехал до кабачка, где спешился. Он хотел было войти в помещение, но в дверях увидел пожилую женщину, которая сидела на куче сена и сучила пеньку.

Сунь У-кун подошел, поздоровался с ней и сказал:

— Мы, бедные монахи, идем из восточного государства Тан. Наш наставник, благочестивый Танский монах, названный брат самого императора. Переправляясь через речку, он выпил из нее воды и теперь у него начались сильные рези в животе.

Женщина почему-то рассмеялась и спросила:

— Из какой же это речки вы пили воду?

— Из той, что к востоку отсюда; вода в ней чистая, прозрачная.

Женщина засмеялась еще громче и проговорила сквозь смех:

— Вот потеха! Ну и потеха! Входите, я сейчас все вам расскажу.

Сунь У-кун подхватил под руку Танского монаха, а Ша-сэн поддержал Чжу Ба-цзе. Оба они с позеленевшими и перекошенными от боли лицами, хватаясь за живот и охая, вошли в убогий кабачок и уселись.

Сунь У-кун взмолился:

— Тетушка! Ты бы хоть сварила немного отвара моему наставнику. Мы отблагодарим тебя за это.

Но женщина и не подумала готовить отвар. Продолжая смеяться, она побежала на задний двор и крикнула:

— Идите сюда, взгляните, что здесь такое!

Громко топая ногами, вошли три женщины, на вид не очень пожилые, которые, увидев Танского монаха, сразу же стали смеяться. Сунь У-кун обозлился, гаркнул на них и так заскрежетал зубами, что те кинулись бежать, сбивая друг друга с ног. Сунь У-кун бросился вперед и задержал старуху, ту самую, которая сидела у дверей.

— Сейчас же готовь отвар, — приказал он, — не то я расправлюсь с тобой.

Женщина затряслась от страха и стала говорить:

— Господин хороший! Отвар не поможет. Отпусти меня, и я все тебе скажу.

Сунь У-кун отпустил женщину, и она начала рассказывать:

— У нас здесь страна женщин. Называется она женское царство Силян. Живут здесь только женщины, мужчин совсем нет. Вот почему мы так рады видеть вас. Не надо было вашему наставнику пить воду из реки. Ведь река эта называется рекой Матери и младенца. За столичным городом нашей страны есть почтовая станция, которую называют Встреча с мужским началом. За воротами станции бьет родник, который называется Родник, отражающий утробу. Обитательницам нашего царства, когда они достигнут двадцати лет, позволено пить воду из реки Матери и младенца. После этого у них сразу же начинает болеть и пухнуть живот. Через три дня они отправляются к роднику и смотрят на свое отражение в воде. Если появляется двойная тень, значит, у них скоро будет ребенок. Ваш наставник попил воды из реки Матери и младенца, стало быть, и у него появился в животе зародыш. На днях ему придется рожать. Посудите сами, разве от этого горячий отвар поможет?

Танский монах, слышавший все, что сказала женщина, страшно испугался и, изменившись в лице, спросил:

— Братья мои! Что же делать, если это на самом деле так?

А Чжу Ба-цзе, корчась от боли, со стоном проговорил:

— О небо! Как же это будет! Откуда плод выйдет? Ведь мы мужчины!

Сунь У-кун, смеясь, сказал:

— Еще в старину люди говорили: «Когда тыква поспевает, она сама от стебля отваливается!» Настанет время, и где-нибудь меж ребер у вас образуется отверстие, и плод вылезет наружу.

Чжу Ба-цзе стал трястись от страха и поднял неистовый крик от сильного приступа:

— Конец, конец пришел! Умираю, ох, умираю!

Ша-сэн не мог удержаться от смеха и воскликнул:

— Братец мой! Перестань вертеться! А то повредишь себе что-нибудь, и роды будут неправильные. Чего доброго, наживешь себе послеродовую горячку.

Чжу Ба-цзе поверил и еще больше перепугался. Из глаз у него полились слезы, и он, вцепившись в Сунь У-куна, взмолился:

— Братец! Спроси эту бабу, не знает ли она повитух, сноровистых, с легкой рукою. Пусть приведет сюда. Уж очень сильно внутри бьется, да все приступами: это схватки. Должно быть, скоро буду рожать.

Ша-сэн опять засмеялся:

— Братец мой! Раз у тебя схватки, не ерзай, не то повредишь оболочку.

Танский монах громко застонал и обратился к женщине:

— Родная ты моя! Не найдется ли у тебя поблизости врачевательницы. Может, у нее есть снадобье, изгоняющее плод? Я пошлю своих учеников, чтобы они купили. Надо ведь что-нибудь делать.

— Ничего не поможет, — отвечала женщина, — никакое снадобье. Но вот что я вам посоветую. К югу отсюда, если идти по этой улице, будет гора, которая называется Освобождение от мужского начала. В ней есть пещера Гибель младенцев. Когда войдете в нее, увидите родник, Избавляющий от зачатия. Достаточно сделать один глоток, и вы избавитесь от плода. Но сейчас эту воду не так просто достать. В пещере вот уже несколько лет как поселился какой-то праведник, которого величают Истинным отшельником, исполнителем желаний. Пещеру, в которой он живет, называют Скит собора отшельников. Этот отшельник сторожит родник и даром воды не дает. Тот, кому понадобится эта вода, должен дать денег столько, сколько понадобилось бы на устройство свадьбы. Кроме того, отшельника надо угостить бараниной, вином и разными фруктами. Когда все это будет почтительно поднесено ему, он разрешит взять чашечку воды из родника. Но вам, странствующим монахам, это не по карману. Придется вам терпеть и родить младенцев, когда настанет время.

Однако Сунь У-куна рассказ старухи обрадовал, и он спросил ее.

— Тетушка! Далеко ли отсюда до той горы?

— Три тысячи ли, — отвечала женщина.

— Вот и отлично!— воскликнул Сунь У-кун. — Учитель! Теперь вам не о чем беспокоиться. Ждите меня здесь, а я живо доставлю вам воды из этого родника.

Обратившись к Ша-сэну, он добавил:

— А ты, братец, внимательно ухаживай за учителем. Если кто-либо из здешних обитателей посмеет неучтиво отнестись к нему, пусти в ход прежнее твое средство: изобрази из себя тигра и напугай их как следует.

Ша-сэн пообещал исполнить все в точности.

В этот момент женщина протянула Сунь У-куну большую глиняную патру и сказала:

— Отправляйся с этой патрой. Наберешь побольше родниковой воды, чтобы и нам осталось на всякий случай.

Сунь У-кун взял патру, вышел из кабачка и, вспрыгнув на облако, умчался.

Женщина, увидев это чудо, поклонилась вслед улетающему Сунь У-куну и воскликнула:

— О небо! Этот монах умеет летать на облаках!

Затем она вошла в кабачок и позвала насмерть перепуганных женщин. Они все вместе опустились на колени перед Танским монахом, стали отбивать земные поклоны и величали его праведником и верным приверженцем Будды.

О том, как они приготовили пищу и угощали Танского монаха и его спутников, мы рассказывать не будем.

Между тем Великий Мудрец Сунь У-кун поднялся ввысь на облаке и вскоре увидел вершину горы. Он зацепился за нее краем облака и стал осматриваться вокруг. Гора была поистине удивительной красоты.

Вот послушайте:

Цветов небывалых на ней распростерся покров,

Душистые травы ее пеленой устилали,
Ручьи и потоки со склонов проворно сбежали,
В себе отражая торжественный строй облаков.
В ущельях и долах сплошною стеною вставали
Свиваясь, сплетаясь, упругие стебли лиан,
И пестрые птицы на все голоса распевали,
И слышались крики снующих в ветвях обезьян.
Над самой главой ее стаи гусей пролетали,
Скрывались под сизою дымкой холмистые дали,
Спешили олени пугливые на водопой,
Раскрытыми ширмами горные кряжи стояли,
И по ветру легкие пряди свои развевали
Плакучие ивы, собравшись безмолвной толпой...
На гору подняться неопытный сможет едва ли —
Лишь сердцем отважный подъем одолеет крутой.
Немногие гордой вершины ее достигали,
Гранитных и гладких откосов касались ногой.
Водой родниковой до блеска отточенный камень
Красой своей радует взор, словно вспыхнувший пламень.
Здесь отрока-служку увидишь ты ранней порой,
Он бродит по рощам, шумящим листвою кудрявой,
Сбирает отшельникам мудрым целебные травы
На солнечном склоне и в спящей ложбине сырой.
Здесь вечером встретишь, идущего горной тропой,
С вязанкой большой на спине, старика лесоруба;
Он хворост сухой вместе с сучьями свежими дуба
Несет к очагу своему, возвращаясь домой.
Когда же с отвесной вершины ты глянешь окрест —

Во всю ширину и во всю глубину окаема —

Поймешь ты тогда, что ни в странствиях дальних, ни дома, —

Нигде ты не встретишь столь душу чарующих мест.

Великий Мудрец залюбовался прекрасным видом и вдруг заметил небольшую усадьбу на северном склоне горы. До его слуха донесся собачий лай. Сунь У-кун спустился с горы и направился к усадьбе. Чем ближе он подходил к ней, тем больше восхищался красотой пейзажа.

Представь себе, читатель, этот вид:

Лачуги робко прилепились к скалам,

Ручей в овраге плещет и журчит,

Горбатый мостик над ручьем стоит,

Бредет с полей тихонько люд усталый,

Лохматые собаки за плетнем

Уныло лают, охраняя дом...

Вскоре Сунь У-кун подошел к воротам усадьбы и тут, у самого входа, увидел старца, который сидел на круглой циновке, поджав под себя ноги. Великий Мудрец поставил патру наземь, подошел поближе и вежливо поздоровался. Старец учтиво ответил ему на поклон и спросил:

— Откуда изволили прибыть и по какому делу пожаловали?

— Я — бедный монах, — отвечал Сунь У-кун, — сопровождаю Танского монаха — посланца великого Танского императора, повелителя восточных земель. Этот монах направляется на Запад за священными книгами. И вот сейчас он, по неведению своему, выпил воды из реки Матери и младенца и почувствовал сильную боль в животе. Живот у него вздулся. Местные жители говорят, что в скором времени ему придется рожать и что никакое снадобье не поможет. Однако я узнал, что есть гора, которая называется Освобождение от мужского начала, в горе этой пещера Гибель младенцев, а в пещере — родник, Избавляющий от плода. Вот почему я и явился на эту гору. Мне бы очень хотелось повидаться с хозяином пещеры Истинным отшельником — исполнителем желаний и попросить у него немного водицы из этого родника, чтобы спасти от беды моего наставника. Очень прошу тебя, почтенный старец, указать мне, куда идти.

Старик рассмеялся и сказал:

— Пещера, которую ты ищешь, здесь как раз и находится, только теперь она называется по-другому: «Скит собора отшельников». А я не кто иной как старший ученик и последователь

Истинного отшельника—исполнителя желаний. А тебя как звать? Скажи мне, чтобы я мог как следует доложить о твоём прибытии.

Сунь У-кун с важностью отвечал:

— Я старший ученик и последователь моего духовного наставника Танского монаха по прозвищу Трипитака. Зовут меня Сунь У-кун.

— Ну, а где твои дары, вино и яства?— спросил старец.

— Я — странствующий монах, — отвечал Сунь У-кун, — откуда же у меня деньги, чтобы подносить подарки?

Старик рассмеялся:

— Я вижу, ты совсем глуп! Мой учитель охраняет воды родника и никому не раздает их даром. Возвращайся скорей и раздобудь дары, тогда я доложу о тебе моему покровителю. Если же не можешь, ступай обратно и забудь думать о водиче.

Но Сунь У-кун решительно воспротивился:

— Человеческие чувства сильнее высочайшего указа. Ступай к своему господину и назови ему мое имя. Я уверен, что он благороден и предоставит мне весь родник.

Привратнику ничего не оставалось, как отправиться с докладом.

А Истинный отшельник в это время как раз играл на лютне.

Привратник подождал, пока он закончит, после чего подошел к нему и сказал:

— Наставник! Там у ворот стоит какой-то монах, он называет себя последователем и учеником Танского монаха Сюань-цзана и говорит, что зовут его Сунь У-куном. Он хочет просить у тебя воды из родника для своего учителя.

Отшельник вначале слушал его равнодушно, но когда услышал имя Сунь У-куна, так сразу же вскипел гневом и злобой. Порывисто вскочив, он положил лютню, снял с себя простую одежду, облачился в рясу, взял свой чудесный крючок, при помощи которого мог исполнить любое желание, и вышел из ворот скита.

— Где здесь Сунь У-кун? — прозвучал его громкий голос.

Сунь У-кун обернулся и увидел отшельника.

Шапка в блистающих звездах переливалась на нем,

Так она дивно сверкала, словно горела огнем.

Был он в пурпурной рясе, из-под которой видны

Были туфли узорные и бархатные штаны.

Пояс из самоцветов радугой играл,

Жаркой полосой стан его обвивал.

Крепко в руке держал он свой волшебный крючок,

Чье острое шевелилось, как пламени язычок.

Из-под бровей косматых прямо смотрел в упор,

Точно у феникса-птицы, яркий и ясный взор.

Цвет его уст спелый напоминал гранат,

Зубов его острых, белых виден был ровный ряд.

Медью и бронзой сияла рыжая борода,

Словно с лица стекала огненная вода...

Весь он, от звездной шапки до туфель из алой парчи,

Казался пронизан светом, словно костер в ночи.

Он полководца Вэня напоминал собой,

С виду такой же свирепый, только в одежде иной.

Сунь У-кун сложил руки, поклонился отшельнику и смиренно произнес:

— Я — бедный монах и зовут меня Сунь У-кун.

Отшельник рассмеялся и спросил:

— Скажи по совести, ты настоящий Сунь У-кун или только прикрываешься его именем?

Сунь У-кун обиделся.

— Учитель, — проговорил он, — зачем ты так говоришь? Ты ведь знаешь изречение:

«Достойный муж никогда не меняет ни имени, ни фамилии». Как это я, Сунь У-кун, стану выдавать себя за Сунь У-куна?

— А ты меня знаешь?— спросил отшельник.

— С того времени, как я вступил на путь Истины, — отвечал Сунь У-кун, — принял закон Будды и пустился в дальний путь, я отдалился от своих старых друзей. Но тебя я совсем не знаю. Лишь недавно я услышал от жителей селения, расположенного западнее реки Матери и младенца, что зовут тебя Истинным отшельником — исполнителем желаний.

— У каждого из нас свой путь, — отвечал отшельник, — я посвятил свою жизнь познанию Истины. — Чего же ради ты явился ко мне?

— Я явился к тебе только потому, — молвил Сунь У-кун, — что мой наставник по неведению выпил воды из реки Матери и младенца, после чего в животе у него начались боли и завязался плод. Мне нужно получить у тебя всего лишь чашку родниковой воды, чтобы избавить моего наставника от беды.

Отшельник нахмурился и спросил:

— Верно ли, что твой учитель — Танский монах Сюань-цзан?

— Истинная правда, — отвечал Сунь У-кун.

Тут отшельник заскрежетал зубами и с яростью произнес:

— Не ты ли вместе с твоим учителем как-то повстречался с великим князем по прозвищу Мудрый младенец?

— Да, верно, — отвечал Сунь У-кун, — это прозвище Красного младенца из пещеры Огненных облаков, что у горного потока Высохшей сосны на горе Воплей. А почему ты спрашиваешь о нем?

— Он — мой племянник, — сказал отшельник. — Я ведь прихожусь родным братом князю с головой быка — Ню Мо-вану. Недавно мне передали весть о том, что некий злой обидчик Сунь У-кун, последователь и старший ученик Танского монаха, погубил моего племянника. Я не знал, где мне найти тебя и отомстить за него. Но вот ты сам ко мне явился, да еще требуешь воды!

— Вы заблуждаетесь, — проговорил Сунь У-кун сквозь смех, а затем перешел на фамильярный тон. — Мы с твоим почтенным братом большие друзья. Мало того, в дни моей юности я побратался с ним и признал его своим седьмым братом. Ты прости, что я ни разу не засвидетельствовал тебе своего почтения. Я просто не знал, где ты живешь. Могу тебя

обрадовать: твой уважаемый племянник ныне находится в услужении у бодисатвы Гуаньинь и получил прозвище Шаньцай. Нам теперь не дотянуться до него, так в чем же ты меня обвиняешь?

— Замолчи, негодная обезьяна!— крикнул отшельник. — Ты еще зубы мне заговариваешь своими хитрыми речами! Что, по-твоему, лучше: быть на положении раба в чьем-то услужении или быть князем в своих владениях? Негодай ты! Вот я сейчас хвачу тебя своим крючком!

Но Великий Мудрец Сунь У-кун отразил удар своим посохом и продолжал примирительным тоном:

— Учитель! Зачем затевать драку? Дай мне набрать родниковой воды, и мы разойдемся подобру-поздорову.

— Вот еще чего захотел! Я тебе так всыплю, что своих не узнаешь! Выходи! Если устоишь против меня в трех схватках, то, так и быть, получишь воды. А нет, так я тебя всего изрублю на мелкие кусочки и хоть этим отомщу за своего племянника.

Тут Сунь У-кун вышел из себя и, ругая отшельника последними словами, крикнул:

— Ну, держись, негодяй, сейчас я с тобой разделаюсь, костей не соберешь. Гляди, какой у меня посох!

Отшельник замахнулся своим волшебным крючком, послушным всем его желаниям, и вот у Скита собора отшельников разгорелся бой. Что это был за бой!

Праведный Танский монах испил по ошибке воды,

От коей в утробе его завязался бесовский плод.

Страшный зародыш во чреве его растет,

Как же избавиться праведнику от беды?

Спутнику своему помочь Сунь У-кун решил:

К отшельнику за советом доверчиво он пошел,

Не зная, что тот отшельник оборотнем был:

Целебную воду он ревниво от всех хранил,

Чтоб страждущий никогда к ней доступа не нашел.

Если вначале учтиво повел Сунь У-кун разговор,

То вскоре он понял, какой пред ним собеседник стоял,

Гнев на волшебника злого тогда Сунь У-куна объял —

Оба противника тотчас вступили в жестокий спор:

Один за наставника жаждой отмщенья пылал,

Другой за племянника тут же врага проучить хотел.

Каждый из них был властен, телом силен и смел,

Каждый из них в сраженьях одни лишь победы знал.

Оборотень-отшельник не выпускал из рук

Свой, скорпиону подобный, остро отточенный крюк,

Но Сунь У-кун, железной палицей вооружен,

Грозным видом отшельника не был ничуть уstraшен,

И, размахнувшись, с силой удар он нанес ему вдруг.

Тут борьба разыгралась невиданная досель,

Встретились в поединке быстрый посох и крюк!

Крюк в руке чародея сделал стремительный круг,

Как ядовитая гадина, жалит и жалит вновь,

Палица безотказная бьет, попадая в цель,

С каждым ее ударом враг проливает кровь.

Жизни своей решили противники не жалеть,

Жизни чужой решили противники не щадить.

Оборотень тшится недруга победить,

Царь обезьян старается недруга одолеть.

Противники схватывались уже раз двадцать, и отшельник, наконец, почувствовал, что ему не одолеть Сунь У-куна. Тут наш Великий Мудрец еще больше распалился и стал еще ожесточеннее бить отшельника посохом. Удары сыпались градом. Наконец отшельник обессилел и, волоча за собою волшебный крючок, бросился бежать.

Сунь У-кун не стал его преследовать, а устремился в пещеру, чтобы добыть чудодейственной воды. Однако оказалось, что вход в пещеру наглухо закрыт. Великий Мудрец не растерялся: держа в руках патру, он напруг все силы, ударом ноги вышиб дверь и вошел внутрь пещеры. Каково же было его изумление, когда он увидел отшельника, притаившегося за решёткой у самого родника. Сунь У-кун окликнул его и замахнулся посохом, но отшельник успел отскочить и скрылся в глубине пещеры. Сунь У-кун нашел бадью и собрался было спустить ее вниз, чтобы

зачерпнуть воды, но в этот миг перед ним опять появился отшельник, который взмахнул своим крючком, зацепил Сунь У-куна за ногу и бросил его наземь. Сунь У-кун ушиб челюсть, однако, преодолевая боль, приподнялся с земли и нацелился в отшельника посохом, но промахнулся. Тот успел отскочить в сторону и, потрясая своим крючком, воскликнул:

— Посмотрим, удастся ли тебе зачерпнуть воды!

— Подойди, подойди, — крикнул Сунь У-кун. — Я тебя, негодяя, забью до смерти!

Но отшельник и не думал подходить, он только старался всячески помешать Сунь У-куну набрать воды из родника. Великий Мудрец, не сводя глаз с противника, держал посох наготове, а свободной правой рукой пытался спустить бадью вниз. Отшельник уже в который раз пускал в ход свой крючок. Сунь У-кун увидел, что одной рукой ему не справиться. Отшельник ловким ударом крючка опять зацепил его за ногу и протащил по земле, причем бадья и веревка сорвались с ворота и упали в родник.

Поднимаясь с земли, Сунь У-кун стал еще больше браниться:

— Вот негодяй! Мерзавец!

Вращая посох обеими руками, он стал наносить удары куда попало. Но отшельник успел скрыться и не показывался. Сунь У-кун опять собрался было доставать воду, но бадья уже утонула, и он не знал, как быть. К тому же он опасался, что отшельник опять появится и начнет ловить его своим крючком.

— Придется сходить за подмогой, — решил Сунь У-кун.

Он выбежал из пещеры и вскочил на облако, которое быстро доставило его к околице того селения, где остался Танский монах с Чжу Ба-цзе и Ша-сэном.

— Ша-сэн! — громко позвал Сунь У-кун.

Между тем Танский монах стонал от нестерпимой боли, Чжу Ба-цзе тоже мучился. Услышав голос Сунь У-куна, они обрадовались.

— Ша-сэн! Ша-сэн! Выходи скорей! Сунь У-кун вернулся! — кричали они.

Ша-сэн поспешно побежал к околице навстречу Сунь У-куну.

— Ну как, братец? Достал чудодейственной воды?

Сунь У-кун, не отвечая ему, пошел к Танскому монаху и рассказал ему все, что было. Танский монах выслушал, и слезы потекли у него из глаз.

— Братья мои! — проговорил он сквозь слезы, — что же будет?

— Я решил взять с собой Ша-сэна, — сказал Сунь У-кун. — Пока я буду драться с этим негодяем, Ша-сэн сможет набрать воды и доставить ее сюда.

— Если вы покинете нас, больных, — проговорил Танский монах, — кто будет ухаживать за нами, кто защитит нас?

Хозяйка, находившаяся тут же, сказала:

— Почтенный архат, праведный последователь Будды! Ты не беспокойся. Тебе твои ученики не понадобятся: я позабочусь о вас обоих. Как только ты появился у нас, мы сразу же прониклись чувством любви к тебе. А когда увидели, что твой ученик обладает способностью летать на облаках, поняли, что ты настоящий бодисатва. Уверяю тебя, что здесь никто не посмеет причинить ни тебе, ни твоим ученикам никакого зла.

Тут Сунь У-кун не сдержался и фыркнул:

— Разве бабы могут кого-нибудь обидеть?

Женщина еще приветливее улыбнулась и проговорила:

— А вам все же повезло, что вы ко мне пришли! Если бы попали в соседний дом, вам бы несдобровать!

Чжу Ба-цзе, превозмогая боль, переспросил ее:

— Несдобровать? Что это значит?

— В нашем доме, — отвечала женщина, — наберется пять едоков, но все они уже в годах, пожилые. Мы уже не помышляем о тех усадках, которые совершаются при легком ветерке и сиянии луны. Вот почему никто из нас не станет посягать на вас. Но если бы вы остановились в соседнем доме, где живет много женщин самых различных возрастов, я уверена, что ни одна из тех, что помоложе, не оставила бы вас в покое! А в случае отказа с вашей стороны, вам стали бы мстить и погубили бы вас, содрали бы с вас мясо, а из вашей кожи сделали бы себе ладанки для благовоний.

— Меня бы они не тронули, — сказал Чжу Ба-цзе. — У иных кожа, может, и годится для ароматических ладанок, а ведь я из породы свиней, — как ни счищай кожу, от сала все равно

будет пахнуть.

Сунь У-кун стал подсмеиваться над ним.

— А ты не хвастайся, — сказал он, — не трать зря силы. Побереги их до родов.

Женщина вмешалась в их разговор и сказала решительным тоном:

— Не надо мешкать, а то поздно будет! побыстрее отправляйтесь и принесите воды!

— Есть ли у тебя в доме бадья?— спросил Сунь У-кун. Одолжи, пожалуйста!

Женщина поспешила во внутреннее помещение и вскоре вернулась с бадьей в руках. Кроме того, она дала еще длинную веревку.

Ша-сэн забрал бадью и веревку и сказал:

— Дай еще одну, а то боюсь, что колодец глубокий и одной веревки не хватит.

Женщина принесла еще веревку. После этого Сунь У-кун вместе с Ша-сэном вскочили на облако и отправились в путь. Не прошло и часа, как они прилетели к горе Освобождение от мужского начала. Прижав книзу один конец облака, они опустились прямо у входа в скит.

— Возьми бадью и веревки, — приказал Сунь У-кун Ша-сэну, — спрячься в сторонке где-нибудь поблизости и жди, покуда я затею бой с этим отшельником. Когда же увидишь, что бой в самом разгаре, беги в пещеру, набери воды и сейчас же возвращайся.

Ша-сэн пообещал исполнить все в точности.

Подняв посох над головой, Сунь У-кун приблизился ко входу в пещеру и громко крикнул:

— Отворяй! Отворяй!

Увидев Сунь У-куна, привратник бросился к своему господину.

— Наставник!—испуганно сказал он. — Сунь У-кун опять явился.

Отшельник пришел в неопишемую ярость.

— Негодный Царь обезьян! Давно я слышал о его могуществе, а сейчас убедился в том, что правду о нем говорят. Против его посоха поистине трудно устоять.

Привратник стал успокаивать отшельника:

— Наставник мой! Да и ты по могуществу не уступишь ему. Ты вполне достойный соперник!

— Молчи лучше!— прервал его отшельник. — Ведь он оба раза выиграл битву.

— Ну и что же? Это лишь потому, что он свиреп. Зато ты дважды сбивал его с ног своим волшебным крючком, когда он пытался доставать воду. Вот и выходит, что силы у вас равны. Ведь он так и ушел ни с чем. А теперь пришлось, видно, ему затаить обиду и явиться на поклон, потому что плод созрел и Танский монах не в силах больше выносить мучений. Уверю тебя, что он обманет надежды своего наставника и ты выйдешь на сей раз победителем!

Эти слова обрадовали отшельника; он почувствовал прилив сил, какой бывает при наступлении весны. Распрямившись и приняв грозный вид, отшельник выставил вперед свой волшебный крючок, вышел за ворота и крикнул:

— Ах ты, подлая обезьяна! Зачем ты снова явилась сюда? Что тебе надо?

Сунь У-кун коротко ответил:

— Я явился лишь затем, чтобы взять воды, — больше ничего мне не надо.

— Разве ты не знаешь, что я хозяин родника? — отвечал отшельник. — Даже самому императору и его сановникам, если они не попросят как следует и не предложат подарков, яств и вина, я не дам ни капли воды. А уж тебе, моему врагу, да еще явившемуся сюда с пустыми руками, я и подавно ничего не дам.

— Значит, не дашь? — спросил Великий Мудрец ледяным тоном.

— Не дам! Ни за что не дам, — решительно произнес отшельник.

Сунь У-кун крепко выругался и добавил:

— Не дашь воды, так я угощу тебя своим посохом.

С этими словами Сунь У-кун бросился на отшельника, — куда девался его важный вид, — и, ни слова не говоря, изо всех сил стал колотить своим посохом, стараясь угодить отшельнику в голову. Но тот все же успел отскочить в сторону и поспешно пустил в ход свой крючок. На этот

раз произошел еще более яростный бой.

Вот послушайте:

Тот, что с железным посохом, ястребом нападал,
Тот, что с крюком волшебным, коршуном налетал.
Был одному племянник, другому — наставник мил,
Один за друга сражался, другой — за родича мстил.
Ненавистью объаты, злобой опалены,
Оба противника были в гнев своем страшны.
Прах из-под ног их вился, дымным столбом вставал,
Черной тучей клубился и небосвод закрывал.
Мраком ночным оделась Западная сторона,
Спрятало солнце лик свой и не взошла луна.
Только сильнейший может слабого победить,
Только слабейший может сильному уступить.
Как же достичь победы, ежели силы равны,
Если единой мощью соперники наделены?
Яростью ослепленный, один кидается в бой,
Хитрость свою и ловкость зовет на помощь другой...
Но не отступит сила перед ловкостью ни на шаг,
И головы не склонит перед противником враг.
Шуму борьбы внимая, замерло все вокруг,
Колотит тяжелый посох, жалит проворный крюк!
Клики бойцов подобны звукам медной трубы,
Ветер от их дыханья валит в лесу дубы,
Эхо грохочет в скалах, гром гремит в горах,
Духов тоска терзает, демонов гложет страх...
Злое безумство боя высится до небес,

Заполонив только собою тысячи ли окрест...

В каждом ударе силы черпает Сунь У-кун,

Но от него в упорстве не отстает колдун!

Верит ли чарам черным борющийся злодей,

Или таит тревогу в черной душе своей?

Коль не на жизнь, а на смерть ведут противники бой,

Должен один погибнуть, торжествовать другой.

Кто же у них сумеет жизнь свою уберечь?

Кому же из них придется в землю сырую лечь?

Прыгая и притопывая, противники все дальше и дальше отступали от входа в пещеру, и теперь уже бились на склоне горы, где мы их пока и оставим.

Между тем Ша-сэн с бадьей и веревками шмыгнул в дверь, но ему преградил дорогу к роднику привратник.

— Ты кто такой?— закричал он. — Кто позволил тебе войти сюда и брать воду?

Ша-сэн поставил бадью с веревкой наземь, достал посох, укрощающий злых бесов, и, не говоря ни слова, стал бить привратника по голове. Тот не успел увернуться и повалился на землю с перебитым левым плечом, катаясь от боли. Тогда Ша-сэн стал бранить его:

— Я бы мог забить тебя до смерти, — орал он, — но щажу лишь потому, что ты имеешь человеческий облик, убирайся отсюда и не мешай мне: я хочу достать воды из родника!

Привратник пополз в глубь пещеры, причитая и охая от боли. А Ша-сэн тем временем опустил бадью в родник и, зачерпнув воды до краев, вышел из пещеры и вскочил на облако. Пролетая мимо сражающегося Сунь У-куна, он крикнул ему:

— Братец! Пощади его! Я достал воды.

Сунь У-кун услышал и, отразив посохом удар волшебного крючка, сказал отшельнику:

— Я готов биться с тобой не на жизнь а на смерть, но ты ведь ни в чем не провинился передо мною и, кроме того, я пощажу тебя ради твоего брата — Князя с головой быка. Первый раз, когда я пришел сюда, ты дважды своим волшебным крючком помешал мне набрать воды. Зато теперь я тебя перехитрил, выманил из пещеры, как охотник выманивает тигра из логова. Пока мы с тобой бились, один из учеников моего наставника успел проникнуть в пещеру и набрать

воды. Будь уверен, что если бы я обратил все свое волшебство против тебя, то будь ты не один, а десять таких, как ты, чародеев-отшельников, все равно всех бы вас забил до смерти. Но, право, я лучше сохраню тебе жизнь. Живи, сколько тебе суждено, но, смотри, не смей больше поступать так с теми, кто будет просить у тебя чудодейственной воды.

Однако чародей-отшельник не отличал добра от зла. Он продолжал махать крючком, а затем неожиданно хлестнул Сунь У-куна крючком по ногам. Но тот успел подскочить и бросился на отшельника с криком: «Стой! Не уйдешь!» Не успел чародей опомниться, как Сунь У-кун одним ударом сшиб его с ног. Тогда Великий Мудрец вырвал у него волшебный крючок, разломал его пополам, а затем еще раз на четыре части. Швырнув их наземь, он закричал на отшельника:

— Скотина ты этакая! Будешь еще безобразничать?

Дрожа от страха и превозмогая стыд, отшельник молчал. Тогда Сунь У-кун громко расхохотался, вскочил на облако и улетел. О том, что произошло, сложены стихи:

Пусть будешь ты трудиться без конца,
Не выплавить тебе чистейшего свинца,
Коль настоящей не возьмешь воды.
Плодов не принесут твои труды.
Не испарится ртуть блестящая бесследно,
Коль настоящей не найдешь воды
И не добавишь в сплав в количестве потребном.
Не обладают материнским свойством
Свинец тяжелый и живая ртуть,
Но киноварь таит бессмертья суть
В своем чудесном и таинственном устройстве.
Напрасно принял небывалый плод
В утробе мужеской обличие людское,
Окажет мать-земля содействие благое
И снадобья в себе целебные найдет.
Мудрец свое исполнил назначенье:
В коварных помыслах, делах удостоверясь,
Он растоптал злокозненную ересь,

Установил основы верного ученья.

На благодатном луче Великий Мудрец быстро догнал Ша-сэна. Радостные и довольные тем, что удалось раздобыть чудодейственной воды, они вернулись в селение и на облаке спустились вниз.

Чжу Ба-цзе с нетерпением ожидал их, прислонившись к притоке. Он громко стонал. Живот его стал еще огромнее. Сунь У-кун подкрался к нему и спросил:

— Ну, когда тебе родить, Дурень?

Чжу Ба-цзе вздрогнул от неожиданности.

— Не надо так шутить, брат мой, — проговорил он. — Принес водицы?

Сунь У-кун хотел было еще посмеяться над Дурнем, но тут подошел Ша-сэн:

— Принесли воду, принесли! — со смехом возвестил он.

Танский монах, преодолевая боль, принялся благодарить:

— Сколько хлопот я причинил вам, братья мои, — говорил он, извиняясь.

Женщины тоже обрадовались и, не переставая кланяться, говорили:

— О бодисатва! Вот уж поистине редко встретишь таких людей!

Одна из женщин поспешно достала маленькую фарфоровую чашечку с рисунками, зачерпнула полчашечки воды и подала Танскому монаху.

— Возьми, почтенный наставник! — проговорила она. — Пей потихоньку: как только допьешь, так сразу же плод растворится.

Чжу Ба-цзе перебил ее:

— Что мне чашечка, давайте всю бадью, я разом выпью.

— Ты что? — всполошилась женщина. — Разве можно? Ты меня до смерти перепугал! Ведь если выпить целую бадью, то все нутро и кишки растворятся.

Чжу Ба-цзе испугался и перестал шуметь, скромно испив пол чашечки чудодейственной воды.

Прошло времени ровно столько, сколько требуется, чтобы съесть плоску горячей пищи, и животы у обоих стало сводить от боли. Послышалось громкое урчание, раза три, а то и больше. После этого Чжу Ба-цзе не удержался, и у него полило и спереди и сзади. Танский монах собрался было удалиться в укромное место, но Сунь У-кун остановил его:

— Наставник! Не выходи на двор, не то тебя ветром продует и схватишь послеродовую горячку.

Женщина поспешно принесла два чистых ведра и предложила обоим воспользоваться ими для своих нужд.

Прошло немного времени, обоих пронесло по нескольку раз, и тогда лишь боль утихла, а животы опали.

Женщина сварила жидкий рисовый отвар и дала больным поесть.

— Тетушка!—сказал Чжу Ба-цзе — Я совершенно здоров, и мне этот отвар ни к чему. Ты лучше согрей воды и дай мне обмыться, а то стыдно садиться к столу в таком виде.

Тут Ша-сэн начал отговаривать его:

— Брат мой! Нельзя тебе мыться. В течении месяца после родов не следует мочить тело, а то можно заболеть.

Чжу Ба-цзе стал возражать:

— Да разве это роды? Просто выкидыш, — говорил он, — чего там бояться? Хоть бы грязь смыть.

Тем временем женщина согрела воды и обмыла обоим пострадавшим руки и ноги. После этого Танский монах выпил две чашечки рисового отвара, а Чжу Ба-цзе одним духом проглотил плосек десять, а то и больше, и все просил прибавки.

Сунь У-кун стал подсмеиваться над ним:

— Нечего тебе объедаться, обжора ты этакий! Меньше ешь, а то опять у тебя брюхо станет похожим на мешок с песком!

Однако Чжу Ба-цзе не обращал внимания.

— Ничего, ничего! — говорил он, уплетая за обе щеки. — Чего мне бояться, я ведь не свинья-матка!

Женщины снова принялись за стряпню.

Пожилая женщина обратилась к Танскому монаху:

— Почтенный наставник! — вежливо произнесла она, — подари нам оставшуюся чудодейственную воду.

Сунь У-кун не удержался и снова пошутил:

— Эй, Дурень! Будешь еще пить воду? — крикнул он Чжу Ба-цзе.

— А зачем?— отозвался тот. — У меня живот больше не болит, думаю, что и плода не осталось. Теперь уж все прошло, и вода не нужна.

— Ну, раз так, — сказал Сунь У-кун, обращаясь к женщинам, — дарю вам эту целебную воду.

Пожилая женщина поблагодарила Сунь У-куна и, перелив оставшуюся воду в глиняный чан, закопала его в землю на заднем дворе.

— Теперь этой воды нам хватит до конца жизни, — сообщила она своим подругам, и все они возликовали.

Когда еда поспела, женщины накрыли на стол и пригласили Танского монаха и его учеников покушать. После трапезы все отправились на отдых.

На другой день, как только рассвело, наставник и его ученики отблагодарили гостеприимных женщин и покинули селение. Сюань-цзан взобрался на белого коня, которого вел под уздцы Чжу Ба-цзе, Ша-сэн взвалил на спину поклажу, а Великий Мудрец Сунь У-кун шел впереди, указывая путь.

Очищены от ереси словесной,

Избавлены от мерзости телесной.

От гнусного плода освободив утробу,

Отбросив суету, волнение и тревогу,

Вновь следуют они своей дорогой...

О том, не приключилось ли с нашими путниками еще чего-нибудь в женском царстве, вы узнаете, прочитав следующую главу.

<http://tl.rulate.ru/book/14623/287902>